Эльвира Сапрова

"Тайны белого халата"

Эльвира Саярова

"Тайны белого халата"

https://litres.ru/74784704
SelfPub; 2026

Аннотация

Действие происходит в России, в наши дни, в мегаполисе. Существует тайный орден врачей — "Архивариусы Гиппократа". Они знают, что человеческое тело — не просто биомеханизм. Это карта, замок и тюрьма для древних сущностей. Болезни — это не сбои ДНК, а симптомы того, что нечто пытается прорваться в наш мир или, наоборот, выбраться из него.

Содержание

Глава 1. Анатомия тишины 4
Глава 2. Шов бесконечности. 8
Глава 3. Пульс отрицания. 13
Глава 4. Лабиринт отражений. 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Эльвира Саярова
"Тайны белого халата"

Глава 1. Анатомия тишины

Холод в секционном зале морга был не физическим. Физический холод Илья научился обманывать двумя свитерами и старым армейским тулупом, который надевал поверх халата. Истинный холод шел от нержавеющей стали столов и кафельных стен. Он высасывал не тепло, а желание жить.

Илья был патологоанатомом. Худшим, по мнению главврача, потому что Илья задавал вопросы. Почему у утопленников в легких всегда находят песок, даже если их выловили в гранитном канале? Почему у самоубийц, шагнувших с двадцатого этажа, кости ломаются внутрь, а не наружу, словно кто-то выдавил их изнутри?

Тело на столе сегодня было примечательным. Профессор нейробиологии, 68 лет. Причина смерти по документам — острая сердечная недостаточность. Илья снял простыню. Кожа профессора была не восковой, а матовой, похожей на застывший канцелярский клей.

Первый надрез скальпеля прошел штатно. Илья вскрыл грудную клетку пневматическим сшивателем. Сердце выглядело здоровым, если не считать странного синего налета на

клапанах, похожего на пыльцу.

Илья взял в руки скальпель поменьше и сделал надрез на левом полушарии мозга.

И время сломалось.

Лампа дневного света над столом моргнула. Запах формалина исчез, сменившись озоном и запахом горячего асфальта после дождя. Илья отдернул руку. Разрез на мозге профессора затягивался сам собой. Но не рубцовой тканью. Края плоти пульсировали, как жабры, и сшивались тончайшими черными нитями, которые росли прямо из нейронов.

— Так не бывает, — прошептал Илья.

Он потянулся за пилой, но его рука замерла. Он посмотрел на свои пальцы. На среднем пальце проступило обручальное кольцо, которое он снял пять лет назад после развода. Иллюзия? Он ущипнул себя за запястье. Боль была оглушительной, реальной.

Профессор открыл глаза.

Они не смотрели на Илью. Они смотрели сквозь него, в кафельную плитку. Зрачки были не просто расширены — они пульсировали, меняя форму с круга на вертикальный ромб.

— Вы ищете не там, доктор, — сказал мертвец. Голос шел не из гортани. Он вибрировал в самих костях черепа. — Вы ищете болезнь. Но это не болезнь. Это — архив.

Тело профессора начало сокращаться. Сухожилия на шее вздулись, и голова с сухим треском повернулась на 180 гра-

дусов.

— Пульс, — прохрипел Илья, хотя знал, что реанимировать тут нечего. Это было что-то другое.

Он схватил зажим и вскрыл черепную коробку полностью, снимая крышку, как у кастрюли. То, что он увидел, не было мозгом. Это был клубок светящихся серебряных проводов, уходящих в основание черепа и оплетающих ствол. Провода извивались, пытаясь вырваться наружу.

Илья понял. Профессор не умер от сердца. Он умер, потому что его мозг стал слишком тяжелым для реальности. В нем хранились терабайты чужих воспоминаний, украденных у пациентов с деменцией. Нейробиолог нашел способ их извлекать, но забыл, что пустота всегда заполняется. И теперь эта пустота, эта абсолютная тишина небытия, пыталась сожрать саму комнату.

Провода метнулись к Илье. Он отшатнулся, врезавшись спиной в стол с инструментами. Скальпель упал на пол.

Существо — а это уже не было человеком — село на столе. Его позвоночник выгнулся дугой. Черные нити из мозга начали оплетать грудную клетку Ильи. Он чувствовал, как они проникают сквозь ткань халата, сквозь кожу, ищут нервные окончания.

Оно хотело переписать его память. Стереть Илью, чтобы занять его место в мире.

В кармане тулупа что-то тяжелое ударило по бедру. Старый карманный диктофон, который он брал на сложные

вскрытия, чтобы надиктовывать протокол.

Илья не стал думать. Он выхватил диктофон, сорвал зубами крышку, обнажив кассету, и с размаху впечатал магнитную ленту в пульсирующий клубок проводов в голове профессора.

Раздался звук, похожий на визг бормашины и скрежет пенопласта одновременно. Серебряные нити задымились. Профессор рухнул на стол, рассыпаясь в прах. Черные нити, оплетавшие Илью, обуглились и втянулись обратно в его собственную плоть, оставив на груди химические ожоги в форме нейронных сетей.

Тишина вернулась. Настоящая, мертвая тишина морга. Запахло озоном и горелой проводкой.

Илья дрожащими руками поднял с пола черный жетон с красным крестом, который выкатился из рассыпавшегося в пыль внутреннего кармана халата профессора. На жетоне была выгравирована одна фраза: *"Вскрывай не только плоть"*.

В коридоре раздались шаги дежурной смены. Илья стер пот со лба, натянул тулуп и пошел открывать дверь. Его руки больше не дрожали.

Глава 2. Шов бесконечности.

Оперблок городской клинической больницы номер семь был заблокирован вторые сутки. Снаружи бушевала аномальная метель, которую синоптики назвали "белой дырой". Снег падал снизу вверх, а видимость упала до нуля на расстоянии вытянутой руки. Внутри же, в стерильном боксе, царил другой вид безумия.

Пациент на столе был шахтером. Здоровенный детина, который проглотил то, что нашел в новой штольне. Рентген показал невозможное: в желудке шахтера находился идеальный куб из неизвестного металла. Куб пульсировал в такт сердцу, и с каждым ударом его грани на снимке меняли длину.

Хирург, мастер Савельев, седой старик с руками, покрытыми шрамами от ожогов, не надел маску.

— Она искажает свет, — бросил он Илье. — Если наденешь маску, перестанешь видеть, где заканчивается пациент и начинается кафель.

Илья стоял на позиции первого ассистента. Его руки были подняты до локтей, обработаны хлоргексидином.

— Что это? — спросил Илья, глядя на экран УЗИ. Куб теперь выглядел как сфера.

— Это якорь, — ответил Савельев, беря в руки скальпель. — Пространственный якорь. Парень проглотил кусок свернутого измерения. Если мы его не вынем, он вывернет на-

изнанку всю больницу. Начнем с верхнесрединной лапаротомии.

Савельев сделал разрез. Кожа разошлась легко, но вместо подкожного жира и мышц Илья увидел звездное небо. Глубокая, абсолютная чернота, в которой плыли холодные, далекие созвездия.

— Зажим, — спокойно сказал Савельев.

Илья на автомате протянул инструмент. Пальцы Савельева вошли в брюшную полость по самое запястье. Он не искал кишок. Он нащупывал натяжение пространства.

— Оно дышит, — прошептал Илья.

— Конечно, дышит, — крякнул хирург, вытаскивая руку. На его перчатке не было крови. На ней была замерзшая ртуть. — Любое пространство дышит, когда его режут.

Савельев взял электронож. Как только лезвие коснулось края "звездного неба" внутри шахтера, свет в операционной мигнул. Кафельная плитка на стене поплыла, превращаясь в древесную кору. Лампы дневного света вытянулись в сталактиты. —

Не моргать, — приказал Савельев. — Моргнешь — окажешься в его желчном пузыре. Или в 1983 году. Тут сейчас все смешалось.

Илья заставил себя смотреть в одну точку. Он видел, как Савельев вводит расширитель в брюшную полость. Металл расширителя начал плавиться, стекая на пол ртутными каплями, но рана не закрывалась. Она расширялась.

Из разреза потянуло ледяным ветром. Илья увидел, как из живота шахтера в операционную медленно выплывает его собственная машина, припаркованная у больницы. Она была размером с мизинец, но абсолютно детальная, вплоть до царапины на бампере.

— Мы входим в карман, — сказал Савельев. Он уже влез в рану по плечо.— Илья, слушай меня внимательно. Законы физики здесь — просто вежливая просьба. Если я сейчас вытащу этот куб, схлопывание убьет всех в радиусе километра. Нам нужно его нейтрализовать.

— Как? — голос Ильи сел.

— Сшить края. Но обычная нить порвется. Здесь нужна нить из причинно-следственных связей.

Савельев выдернул руку из шахтера. В его пальцах была зажата леска. Обычная хирургическая леска, но Илья видел, как она вибрирует, и каждая вибрация отзывалась болью в его собственных молочных зубах, которых не было уже тридцать лет.

— Я буду шить, — сказал Савельев. — А ты держи реальность.

— Как?!

— Верь в то, что пол — это пол. Что кровь — это кровь. Не позволяй ему убедить тебя в обратном. Смотри на мои руки.

Савельев начал накладывать швы. Каждый стежок был актом насилия над мирозданием. Когда игла входила в плоть,

шахтер кричал голосом тысячи людей. Когда Савельев затягивал узел, время в операционной пускалось вскачь. Илья видел, как муха, бившаяся в лампу, рассыпается в пыль, затем превращается в птеродактиля, а затем снова в муху, но уже мертвую.

Руки Савельева начали стареть. Кожа желтела, покрывалась пигментными пятнами, истончалась. Он шил слишком быстро, нарушая свой собственный хронологический поток.

— Илья! — прохрипел хирург. Его глаза начали мутнеть от катаракты. — Иглодержатель!

Илья потянулся за инструментом, но его рука прошла сквозь стол. Он посмотрел на свои ладони. Они становились прозрачными. Шахтер внутри своего кокона начал расти, его тело заполняло комнату, потолок трещал под напором его плеч.

— Я не настоящий, — подумал Илья. — Я просто воспоминание этого куба.

И в этот момент он понял, что имел в виду Савельев. Он с силой сжал кулак. Боль была настоящей. Соленый пот, стекающий в уголки губ, был настоящим. Запах озона и горелого мяса от электроножа был настоящим.

— Пол — это кафель! — закричал Илья. — Свет — это лампы! Ты — шахтер! Ты — человек!

Реальность вздрогнула. Растущий гигант в ране замер. Руки Ильи снова обрели плотность.

Савельев, теперь выглядящий на девяносто лет, сделал

последний стежок. Он завязал узел зубами, потому что его пальцы уже не гнулись.

— Держи, — просипел он, протягивая Илье конец лески.

Илья схватил его. Леска обожгла ладонь. Он потянул. Из живота шахтера с влажным, чавкающим звуком, от которого заложило уши, вышел куб. Но он больше не пульсировал. Он стал обычным куском ржавого, оплавленного металла.

Савельев упал на пол. Илья бросился к нему. Хирург был мертв. На его лице застыло выражение глубокого удовлетворения.

Илья посмотрел на свои руки. Они были целы. Но на тыльной стороне левой ладони навсегда остался тонкий белый шрам в форме знака бесконечности. Он посмотрел на операционную. Кафель снова был кафелем. Метель за окном выла по-человечески.

В кармане мертвого Савельева лежал второй жетон. Илья забрал его. На нем было написано: *"Зашивай не только кожу"*.

Глава 3. Пульс отрицания.

Пик кардиомонитора всегда звучит как насмешка. Тонкий, непрерывный писк, который в кино сопровождается паникой и беготней, в реальности — самая честная тишина в больнице. Звук абсолютного нуля.

В реанимации блока интенсивной терапии пахло озоном, старым пластиком и усталостью. Илья стоял у кровати мальчика. Десять лет. Острый лимфобластный лейкоз, рефрактерный к терапии. Мальчик не двигался уже третьи сутки, но глаза его были открыты. Он смотрел в потолок так, словно читал там некролог.

Доктор Алина Воронова не суетилась. Она была легендой отделения — хирург, который мог пришить лоскут перикарда в шторм на корабле, не проронив ни капли пота. Сейчас она стояла абсолютно неподвижно, глядя на монитор. На ее шее билась тонкая вена. Это была единственная живая деталь в ее облике.

— Тридцать секунд до асистолии, — ровным голосом сказала она Илье. — Готовь разряд. Сто джоулей.

Илья щелкнул тумблером дефибриллятора. Конденсаторы начали гудеть, набирая заряд. Писк монитора стал чуть ниже, растянулся, как жевательная резинка, и оборвался.

Прямая линия.

— Разряд! — скомандовала Алина.

Илья прижал холодные лопатки электродов к узкой, покрытой сенсорами груди мальчика.

— Всем отойти! Разряд!

Тело ребенка выгнулось дугой. Запахло паленными волосами.

Линия осталась прямой.

— Еще раз. Двести, — Алина даже не моргнула. Ее зрачки были расширены, но сухи.

Илья зарядил аппарат. В этот момент он заметил странность. На экране пульсоксиметра, где должен был быть ноль, цифры медленно менялись. 1... 2... 5... Это был не пульс. Это был обратный отсчет.

— Доктор Воронова, сатурация растет, — прошептал он.

— Это не сатурация, — отрезала она. — Это плотность.

Мальчик открыл рот. Звук, который издала его гортань, не мог принадлежать человеческому ребенку. Это был скрежет тормозных колодок многотонного состава.

Алина схватила шприц-префил.

— Адреналин в центральный. Разряд триста!

Илья ввел иглу. Но поршень пошел туго, словно он пытался протолкнуть жидкость через бетон. Алина ударила по груди мальчика кулаком — стандартный прекардиальный удар.

От удара грудная клетка ребенка промялась, как консервная банка. Ребра треснули, но наружу не вылилось ни капли крови. Вместо нее из разломов полезла черная, вязкая смола. Она быстро застывала на воздухе, образуя глянцевый пан-

цирь.

— Отойди, — приказала Алина Илье.

Она взяла в руки скальпель. Не стерильный, с синей ручкой, а старый, костяной, который Илья видел у нее в шкафчике для "особых случаев".

— Что вы делаете? — выдохнул Илья.

— Он не умирает от лейкоза, — сказала Алина, примериваясь лезвием к яремной впадине мальчика. — Он умирает от отказа. Его сердце бьется. Но оно бьется в обратную сторону. Он отрицает саму возможность смерти, и эта эмоция стала физической. Она забила его аорту, как тромб из бетона.

Она сделала быстрый, точный разрез. Но вместо артерии лезвие скальпеля звякнуло о металл. Из шеи мальчика, разрывая кожу, выдвинулся поршень. Огромный, ржавый, гидравлический.

Реанимация начала меняться. Белые кафельные стены пошли трещинами, осыпаясь песком. Лампы дневного света вытянулись в гигантские угольные нити. Запах больницы сменился запахом раскаленного железа и угольной пыли. Они больше не были в больнице. Они стояли внутри огромного, мертвого сердца. Механического сердца.

— Держи его, — крикнула Алина, хватаясь за поршень. — Если он сожмется полностью, схлопнется вся секция!

Илья бросился к голове мальчика. Он навалился всем весом, прижимая плечи к столу. Металлический поршень в

шее Алины начал движение вниз.

— Адреналин не работает, потому что здесь нет химии, — прохрипела Алина, упираясь ногами в пол. — Здесь только воля. Илья, слушай меня. В этом здании сейчас умирает кто-то другой. И кто-то другой выздоравливает. Нам нужна чистая эмоция. Не разбавленная.

— Какая эмоция?! — Илья чувствовал, как металлические ребра под его руками начинают вибрировать. Сжатие.

— В родильном! — выдохнула Алина. — Четвертый этаж. Палата четыреста двенадцать. Только что родилась тройня. Мать смотрит на них. Это концентрат. Надежда в чистом виде. Беги.

— Я не успею! Сжатие через десять секунд!

— Тогда найди здесь! — рявкнула Алина. Ее лицо покраснело от натуги, но глаза оставались сухими. — В больнице всегда кто-то счастлив! Вор! Ищи вора!

Илья отпустил плечи мальчика. Он огляделся. Механическое нутро пациента гудело, готовясь к удару. Взгляд Ильи метался по палате, пока не упал на тумбочку.

На ней лежал старый кнопочный телефон. Экран светился.

Илья схватил его. На заставке стояла фотография. Мальчик, но здоровый, румяный, на футбольном поле, с кубком в руках. Это была не фотография. Это была иконка приложения. "Мобильный банк". На счету — триста сорок тысяч рублей.

Мальчик на столе перевел эти деньги. Пять минут назад. Он перевел их в фонд помощи детям с таким же диагнозом. Анонимно.

Это был не просто перевод. Это был акт абсолютного, чистого отречения от себя ради других. Самая сильная кардиотоническая эмоция во вселенной.

Илья развернулся к Алине. Она уже по пояс была зажата смыкающимися металлическими ребрами.

— Я нашел! — крикнул он.

— Вводи! — прохрипела она. — Куда угодно!

Илья подбежал к Алине. На ее халате, прямо над левой грудью, расплывалось темное пятно. Но это была не кровь. Ткань халата просто истлела от давления, обнажая кожу. Илья размахнулся и со всей силы ударил кулаком в центр ее груди.

Это был не медицинский прием. Это был жест отчаяния.

В момент удара время остановилось. Черная смола, вытекшая из мальчика, замерла в воздухе. Гудение механического сердца стихло.

Из кулака Ильи вырвался свет. Не яркий, не божественный, а мягкий, золотисто-зеленый, похожий на свет светлячков в летнем лесу. Свет пах озоном и почему-то маминими духами "Красная Москва". Это была эссенция того самого перевода. Надежда, упакованная в фотон.

Свет вошел в грудь Алины. Ее тело вспыхнуло, как сухая бумага. Она закричала — впервые за все время Илья слы-

шал, как она кричит. Это был звук человека, сгорающего изнутри.

Ребра механического сердца с лязгом разошлись.

Алина упала на колени перед столом. Ее халат догорал. Кожа на груди была черной, покрытой узором, похожим на кардиограмму, выжженную прямо в плоть. Она больше не была молодой, но ее глаза... в них плескалось что-то страшное и живое.

Она, не глядя, схватила шприц, наполнила его воздухом из атмосферы этой мертвой палаты и вонзила иглу в шею мальчика, прямо в основание металлического поршня. Она ввела не жидкость. Она ввела пустоту.

Поршень с чавканьем втянулся обратно. Грудная клетка мальчика срослась. Черная смола на полу вскипела и испарилась.

Монитор издал одинокий, слабый писк.

Бип. Пауза.

Бип. Пауза.

Живой, человеческий ритм.

Алина Воронова рухнула на пол. Илья бросился к ней. Пульс на ее шее был нитевидным, прерывистым.

— Доктор, вы спасли его...Она открыла глаза. Они были абсолютно сухими. Но когда она моргнула, по ее щеке скатилась одна-единственная капля. Черная, густая, как мазут.

— Я не спасла, — прошептала она. — Я взяла в долг. У него.

Она протянула Илье руку. На ее ладони лежал третий жетон. Холодный, тяжелый. Илья взял его. Металл обжег пальцы.

— Что это значит? — спросил он, глядя на выжженный узор на груди хирурга. Алина слабо улыбнулась. Улыбка человека, у которого внутри перегорели все предохранители.

— Сердце — это не насос. Это весы. Чтобы где-то прибыло, где-то должно убавиться.

Илья опустил жетон в карман своего халата. На полированном серебре было выгравировано: *"Переливай не только кровь"*.

Глава 4. Лабиринт отражений.

Психиатрическая лечебница "Тихие зори" стояла в лесу. Летом она выглядела как санаторий для уставших аристократов. Зимой, в феврале, она выглядела как склеп.

Илья приехал сюда по вызову профессора Льва Натановича. Старый психиатр встретил его в пустом вестибюле. В здании не было ни одного пациента. Только санитары, которые двигались по стеночке, не поднимая глаз.

— Он в "Дельте", — сказал Лев Натанович, протягивая Илье одноразовый халат. — Надевай. Твой хлопок слишком громко думает.

— Что с ним? — Илья натянул шуршащий целлофан.

— С ним — ничего. Он идеальный пациент. Не ест, не спит, не двигается. Просто смотрит в стену. Уже месяц. Проблема в том, что по ночам кто-то рвет глотки персоналу.

— В здании есть другие больные?

— В "Дельте" — только он. Палата сорок четыре. Мы зовем его Зеркало.

Лифт спустил их на минус третий этаж. Двери "Дельты" были обиты не мягким поролоном, а листовой сталью. Замок щелкнул с звуком передергиваемого затвора.

Палата сорок четыре была абсолютно белой. Ни кровати, ни окна. Только унитаз, намертво вмонтированный в пол, и человек.

Он сидел в центре комнаты, скрестив ноги. Голый торс был покрыт шрамами от наручников. Его голова была чисто выбрита. Он смотрел на противоположную стену.

Илья сделал шаг внутрь.

Его отражение в кафельном полу подняло голову и посмотрело на него с нескрываемой ненавистью.

Илья отшатнулся. Отражение осталось на месте. Оно не принадлежало полу. Оно смотрело на него из глубины линолеума, как из мутной воды.

— Не смотри вниз, — тихо сказал Лев Натанович.

— И не смотри в свои руки. — Что это за болезнь? Шизофрения? Индуцированный бред?

— Это не болезнь, — профессор подошел к пациенту. — Это архитектура. Его зовут Егор. Он — мясник. Вырезал семь семей. Когда его поймали, он не сопротивлялся. Он просто перестал отражаться в зеркалах. А потом зеркала начали отражать его внутрь себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.